

НЕЗРИМЫЕ ДЕНЬГИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: УМОЗРИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ОБМЕНА

Ксения Шталенкова

Ксения Шталенкова, департамент гуманитарных наук и искусств, Европейский гуманитарный университет, Литва. kseniya.shtalenkova@ehu.lt.

Цель настоящего эссе заключается в том, чтобы проанализировать, что происходит с визуальным значением денег в условиях цифровой реальности. В ходе анализа, в первую очередь, предлагается рассмотреть особенности использования незримых денег, лишенных объектности. Это позволит проследить визуальную специфику электронных денег в условиях трансформаций практик символического обмена. Во-вторых, акцент сделан на визуальные репрезентации в области виртуальных пространств символического обмена, чтобы показать специфику идеологических манипуляций на умозрительном уровне – эти манипуляции могут ассоциироваться с электронными деньгами. В качестве эмпирического материала для визуального анализа представлены логотипы криптовалют, а также визуальные репрезентации, связанные с виртуальными государствами и использованием платформ NFT. В цифровом пространстве практики символического обмена с использованием денег приобретают умозрительный характер в связи с отрывом денег как идеи от их материальной формы в виде физического носителя. Но эти практики по-прежнему ассоциируются с визуализациями, которые закрепляют в повседневности ценность незримых денег, существующих как чистая конвенция без материального подкрепления. Переход на электронные деньги минимизирует возможности идеологизации через образы повседневности, как в случае логотипов криптовалют. Виртуальные пространства обмена подвергаются умозрительной колонизации, что можно увидеть в идеологических импликациях таких виртуальных государств как Asgardia и Вейшнория, а также платформ NFT. Такие пространства становятся полем политического высказывания, которое невозможно в повседневности, и это, в свою очередь, становится попыткой замещения последней.

Ключевые слова: визуальное; власть; деньги; дематериализация; дигитализация; идеология; криптовалюта; символический обмен; электронные деньги

ВВЕДЕНИЕ: ВИЗУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕНЕГ В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБМЕНА

Деньги представляют собой комплексный феномен, который опосредует символический обмен и является медиатором социальных отношений в экономическом, политическом, культурном и историческом контекстах. Длительное время они рассматривались исследователями лишь как средство обращения в экономическом

поле, что исключало их культурную значимость из исследовательского фокуса и античной философии, и политэкономии как основной дисциплины, изучающей деньги начиная с XVIII века. Тем не менее символические функции денег включают этическое и эстетическое измерение с момента их изобретения, что позволяет включить деньги в понятие символического обмена уже на ранних исторических этапах. Начиная с Древнего Вавилона в XX–XVIII веках до н. э. деньги в виде серебряных слитков выступают в качестве эквивалента наказания за преступления, компенсации за материальный и нематериальный ущерб (Seaford 2004). С изобретением в Малой Азии в VII веке до н. э. чеканной монеты, получившей распространение в античных Греции и Риме, деньги становятся полноценным средством обращения, контролируемым государственной властью (Sear 2006). Долгое время символический обмен рассматривался исключительно в контексте дара, как противоположное деньгам явление в том числе потому, что деньги предполагают установление эквивалентностей, определение меры равноценного и симметричного обмена, а дарение и отдаривание выводят на первый план понятие благодарности без экономической равноценности. В таком ключе понятие экономики дара приобретает значение метафоры, в то время как денежный обмен – это политэкономическая категория.

Начиная с «Философии денег» Георга Зиммеля, впервые опубликованной в 1907 году, акцент в исследованиях денег смещается на их культурную значимость (Simmel [1907] 1990). По мнению Зиммеля, деньги структурируют культурный порядок в исторической перспективе как зримый символ, который материализует идею денег в повседневности и институализирует ценности, разделяемые в обществе. Зиммель расширяет понимание функций денег, включая связанные с фактом денежного обмена практики и отношения не только экономического, но также этического и эстетического характера. Это получает развитие в концепциях уже более современных авторов, работающих в направлениях экономической антропологии, теории коммуникации и социальных наук (см., например: Зелизер [1994] 2004; Луман [1997] 2005; Appadurai 1986; Bloch and Parry 1989; Giddens 1990; Habermas 1989; Jameson 1990). Тем временем в своей книге «Символический обмен и смерть» Жан Бодрийяр ([1976] 2000) подчеркивает симулятивный характер обмена, в понятие которого включены деньги. По мнению Бодрийяра, в условиях кризиса символических значений в нашей современности деньги, призванные сделать видимым пространство обмена, становятся симулякрами и заслоняют прозрачность социальных отношений. В ситуации дематериализации труда и виртуализации экономики, которая, согласно Андре Горцу ([2003] 2010), начала превращаться в нематериальную еще до наступления цифровой эры, проблема определения цены и ценности приобретает иной характер. Сколько, например, стоит интеллектуальный или творческий труд, если их стоимость не определяется количеством затраченного времени? В свою очередь, Марсель Энафф (1998) пишет про изменение функций и монетизацию всех социальных практик: «Вся история современности заключается в замещении властью денег традиционных форм регулирования и стабилизации, иными словами, в замене человеческих отношений функциональными отношениями посредством товарооборота, определяемого рынком».

В трактате «О даре», опубликованном в 1925 году Марселем Моссом ([1925] 2011), а также в более поздних сочинениях Карла Поланьи (Polanyi 1977) было отмечено, что в отдельные исторические периоды деньгами могут считаться различные объекты, материальная форма которых оказывается символическим выражением отношений между индивидами. При этом в своих исследованиях 1980-х годов Пьер Бурдьё ([1984] 2001), а позднее также Жак Деррида (Derrida 1992, 1994) разоблачают безвозмездность дара, что вскрывает его экономическую логику. Так разница между деньгами и даром размывается, поскольку практики дарения тоже имеют экономические основания, а деньги постепенно опосредуют символический обмен, замещая понятие дара и выводя на передний план проблему власти, которая управляет деньгами и получает выражение с помощью денег. Согласно Жилю Делезу и Феликсу Гваттари ([1977] 2007), центральное место здесь занимает государство, которое контролирует эмиссию денег, осуществляя легитимное насилие над своими гражданами с помощью определения вечного долга в виде налогов. Позднее Делез (Deleuze 1992) расширяет этот тезис, определяя, что современность на пороге XXI века – общество контроля, для которого деньги становятся одним из механизмов перехода к корпоратизации сообществ в условиях кризиса прежних институтов власти. И хотя эти авторы не акцентируют визуальную значимость в контексте взаимосвязи власти и денег, ее концептуализация позволяет четче проследить трансформации практик символического обмена, которые происходят в цифровую эру.

Несмотря на укорененность визуального в человеческом сознании, визуальные репрезентации в дизайне денежных знаков попадают в исследовательское поле лишь с 1990-х годов, но в этих работах рассматриваются преимущественно особенности иконографии национальных валют (см., например: Головашина и Линченко 2017; Billig 1995; Helleiner 1998; Kuzniatsou 2008; Lauer 2008; McGinley 1993; Penrose 2011). Они редко обращаются к денежному знаку как к самостоятельной визуальной репрезентации, в то время как он является формой, в которой деньги предстают как зримые объекты, что подразумевает их предметные и функциональные качества. Деньги в форме денежных знаков, на которых размещаются различные изображения, используются как идеологический инструмент¹, делающий власть не только зримой, но также визуально распознаваемой и персонифицированной. Визуальные репрезентации, используемые в дизайне денежных знаков, продвигают образы, которые закрепляют политические притязания и демонстрируют власть. Сам денежный знак становится репрезентацией не только персонифицированной власти, но также властных отношений и идеологических дискурсов, незримо организующих повседневную жизнь социумов. Будь то различные формы колонизации, навязывающие образы угнетенного местного населения как отражение подлинной реальности², или патриархальный порядок, экс-

¹ О деньгах как идеологическом инструменте см. Шталенкова 2018. В этой работе я анализирую денежные знаки, имевшие обращение в пределах современной Беларуси на протяжении 1917–2017 годов, а также сопоставляю их с визуальными репрезентациями национальных валют Литвы, Польши, России и Украины в 1991–2017 годах.

² О колониальных репрезентациях на примере французских франков 1954–1956 годов и выпусков денег для бывших французских колоний см. Шталенкова 2019а.

плуатирующий женские образы для персонификации идеи государственности (как, например, Марианна во Франции или Британия в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии³), выпуск денег позволяет сделать власть зримой, материально присутствующей в повседневности. Наибольшего напряжения репрезентация власти с помощью денежных знаков достигает при тоталитарных режимах, стремящихся продублировать повседневность с помощью изображений обычных людей, которым якобы принадлежит власть⁴. Современные визуальные репрезентации с менее уловимыми идеологическими манипуляциями приближают материальные деньги к статусу историко-культурного артефакта с политическими и историческими коннотациями⁵.

На сегодняшний день материальные формы денег уступают в экономическом плане развитию электронных денег, что приводит к трансформации их символических функций в условиях дигитализации. Следовательно, это меняет специфику социальных практик, которые связаны с использованием денег в контексте символического обмена, а также приводит к реструктуризации самих социальных отношений. Поэтому цель настоящего эссе – проанализировать, что происходит с визуальным значением денег в условиях цифровой реальности. Здесь важно уточнить, что под визуальным имеются в виду не только визуальные репрезентации, используемые в дизайне денежных знаков, но также и более широкое значение визуального как зримой формы. Устранение визуального из практик символического обмена с использованием денег меняет и характер самого обмена – он не только становится умозрительным, но также скрывает связанные с ним социальные отношения. Поэтому в настоящем эссе предлагается сначала проанализировать особенности использования незримых денег, лишенных объектности, что позволит проследить визуальную специфику электронных денег в условиях трансформаций практик символического обмена⁶. Далее также предлагается рассмотреть визуаль-

³ Об использовании государственных персонификаций на денежных знаках, имевших хождение в XIX–XXI веках в пределах территорий современных Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины, см. Шталенкова 2020б.

⁴ Об идеологических импликациях в дизайне денежных знаков от античности до современности, включая визуальные репрезентации денег, которые были в обращении при тоталитарных режимах XX века, см. Шталенкова 2020а.

⁵ Подробнее о перспективах функциональных трансформаций материальных денег, утрачивающих финансовую ценность и приобретающих историко-культурную значимость в процессе дематериализации см. Shtalenkova 2022.

⁶ В упомянутых ранее статьях (Шталенкова 2020а; Shtalenkova 2022) я рассматриваю переход от денег как идеологического инструмента в виде монет и банкнот к средству тотального контроля в электронных системах в контексте взаимосвязи зримого и визуального. Обе статьи посвящены анализу дизайна денежных знаков в условиях дематериализации, что включает описание ряда новых практик символического обмена с использованием денег в цифровую эру. Однако настоящее эссе фокусируется уже не на значении дизайна для этих практик, но на социальных трансформациях, которые обусловлены отрывом денег от материального мира, следствием чего становится появление виртуальных пространств, где происходит перераспределение властных отношений. Таким образом, настоящее эссе развивает тезисы, высказанные мной в предыдущих работах.

ные репрезентации в области виртуальных пространств символического обмена, чтобы показать специфику идеологических манипуляций на умозрительном уровне. Эти манипуляции могут ассоциироваться с электронными деньгами.

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАКТИК СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБМЕНА В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ

Если в начале XX века в качестве наиболее приближенных к статусу чистой функции рассматривались бумажные кредитные деньги, то в условиях первой четверти XXI века помимо не обеспеченных золотом фиатных денег, сделанных из бумаги или пластика, все большую популярность приобретают незримые электронные деньги. При этом само определение электронных денег оказывается проблемным, включая многообразие возможностей виртуализации государственных валют и негосударственных децентрализованных денежных систем. Электронные деньги не могут рассматриваться как объекты по аналогии с материальными денежными знаками, поэтому несмотря на свою количественную различимость, имеющую зримое отображение на экране, они представляют собой не деньги в полном смысле, но скорее капитал, единицы измерения которого умозрительны. Однако электронные деньги могут иметь различные отношения с повседневностью. Если речь идет об оцифрованных наличных государственной валюты, используемых через системы интернет-банкингов и другие системы электронных платежей, то, несмотря на свою цифровую природу, эти деньги все же имеют четкую связь с материальной формой. Являясь ее своеобразным расширением в области дигитализированных социальных практик, электронные деньги такого рода возникают из повседневности и становятся ее результатом. В данном случае дело не столько в новой природе денег, сколько в изменении практик символического обмена с использованием денег.

В свою очередь для криптовалют, которые не всегда расцениваются как полноценные деньги, характерен более существенный отрыв от материальной формы, поскольку добываются они через электронные вычислительные операции – майнинг (*mining*) и форжинг (*forging*). Они позволяют создать новый блок в непрерывной цепочке значений блокчейн (*blockchain*), когда каждая новая единица криптовалюты эмитируется с помощью числового кода. В английском *mining* – добыча полезных ископаемых, в том числе руд и драгоценных металлов и камней, а *forging* – ковка, что также может иметь коннотативные значения, связывающие это понятие с подделкой денег. По этой причине подобная терминология интересна с точки зрения использования аналогии для описания практик производства криптовалют, укорененной в повседневности. Криптовалюты при необходимости могут обмениваться на обычные деньги, то есть, несмотря на свою цифровую природу, они также могут воплощаться в материальной форме в виде конечного результата в череде целеполаганий. Следует отметить противоречивый характер криптовалют в отношении их собственной ценности. Для производства единиц криптовалют необходимо мощное техническое оборудование и значительное количество электроэнергии, то есть требуются немалые инвестиции. Однако это не входит в стоимость единиц криптовалют, поэтому использование технологий для

производства криптовалют не может рассматриваться как материальное основание их природы. Ключевые свойства, благодаря которым криптовалюты считаются ценными, связаны с их функциональностью на уровне проведения транзакций, так как криптовалюты позволяют проводить большой объем данных, а значит, и большие объемы капитала, за малую единицу времени. Кроме того, ценность криптовалют связана с возможностью сохранять анонимность и независимость от государственных институций, хотя за последнее время следы, которые оставляют пользователи в сети, оказываются все более заметными, за «историей» действий в сети все больше следят, а во многих государствах криптовалюты не признаются как законное платежное средство.

Возвращаясь к вопросу о деньгах как о зримом символе, следует заметить, что здесь намечается любопытная траектория, которая в условиях дигитализации практик символического обмена с использованием денег достигает наиболее драматичного перелома. Материализация денег в виде зримого символа необходима для воплощения идеи денег в повседневности, но по мере интеллектуализации социальных отношений деньги приобретают не просто все более символические черты, но постепенно дематериализуются вплоть до функционирования сегодня в качестве потока информации в электронных системах. Соответственно, как только возникает необходимость воплотить деньги как всеобщий эквивалент в предметной форме, тут же начинается процесс дематериализации, поскольку деньги никогда не обозначают сами себя, но лишь репрезентируют ценность в контексте экономических отношений. То есть полноценными материальными деньгами можно считать лишь товарные деньги. Таковыми деньгами когда-то являлся скот или мех, однако с изобретением чеканной монеты деньги приобретают символическое значение, отсылающее к повседневности, но не совпадающее с ней. Монета может свободно обращаться и обмениваться на любые товары, она также является компактным средством обращения, используемым гораздо более широким кругом субъектов, но ее собственная материальность теряет то утилитарное значение, которым обладают товарные деньги. В процессе дематериализации повышается функциональность денег, которые, превращаясь из зримого символа в абстрактный числовой массив, стремятся совпасть со своей идейной обусловленностью. Закономерность образуют, с одной стороны, необходимость материализации денег как идеи в предметной форме, а с другой – стремление денег к чистой функции в процессе дематериализации, результатом чего становится дигитализация практик символического обмена с использованием денег.

Отсюда следует, что чем менее деньги зримы как знак, тем более функциональными они становятся. Есть еще одно следствие: чем меньше визуальной информации несут деньги, тем концентрированнее становится их значение как идеи. Электронные деньги воплощают фантазию о свободном обращении, которому не препятствуют противоборствующие власти, выпускающие и контролируемые деньги, а также использующие их как идеологический инструмент. Однако, существуя в оппозиции к государственным деньгам, электронные деньги в виде криптовалют не могут избежать идеологичности в том смысле, что они существуют не как полноценная замена институту денег, но как альтернативное денежное сред-

ство, наделенное ценностью согласно конвенции между пользователями. Криптовалюты существуют как система, которая тоже нуждается в контроле и регулировании, однако персонализация власти здесь не устраняется, но усложняется, так как власть децентрализуется и становится все более анонимной, а значит, ускользающей от возможности девуалировать ее. Поэтому актуальными оказываются вопросы: кто контролирует выпуск денег и почему мы доверяемся такому денежному средству, если власть, которая их выпускает и контролирует, не представлена каким-либо лицом или сообществом? В этом смысле электронные деньги реализуют идею Мишеля Фуко о власти, которая невидима в принципе как «множественность отношений силы» ([1976] 1996:192). Эта власть не имеет центра, но присутствует везде, исходя отовсюду и располагаясь в самой сети социального, поскольку она осуществляется из «бесчисленных точек в игре подвижных отношений неравенства» (194).

С развитием сектора электронных платежей в академическом поле активно развивается направление уже не столько экономической антропологии, сколько непосредственно антропологии денег, которая включает в исследовательский фокус новые формы обмена деньгами, поскольку данные трансформации ставят ряд принципиально новых вопросов. Так, в ходе дискуссии «Future Money and the Design of Security»⁷, организованной Science Gallery при Тринити-колледже в Дублине в 2015 году, были обозначены три проблемные области. В первую очередь это вопрос о том, какие материальные культуры утрачиваются или, напротив, возникают в условиях изменений, связанных с дигитализацией. Во-вторых, какие социальные практики связаны с виртуальными платежами, в частности с использованием криптовалют. И в-третьих, каким образом трансформируется распределение власти, что включает аспекты секретности и прозрачности. В этой перспективе следует упомянуть исследования Билла Морера, который, рассматривая антропологический инструментарий, подвергает критике семиотику денег в контексте кризиса экономических значений (Maurer 2006). Морер также разрабатывает концепцию антропологии электронных денег, ставя в том числе вопрос о том, каковы перспективы соотношения инноваций и нашей повседневности (Maurer 2015). Схожую позицию занимают Тим ди Муцио и Ричард Роббинс (Di Muzio and Robbins 2017), которые рассматривают, как с помощью анализа различных форм денег мы можем оценивать многообразие эффектов, которые они производят. Основываясь на постоянном развитии денежных систем, авторы настаивают на том, что изучение денег в контексте различных культур может способствовать развитию денег в перспективе их более эффективной функциональности для более широких целей общества, что включает и вопрос о будущих формах денег.

В этом отношении важно обратиться и к текстам авторов, которые исследуют специфику функциональности криптовалют, в частности биткойна. Например, Найджел Додд (Dodd 2018) обращает внимание на релятивистский характер биткойна, который продвигается как новая форма денег, преодолевающая ограниче-

⁷ Science Gallery Dublin, «Future Money and the Design of Security», October 21, 2015, video, 1:22:18, <https://www.youtube.com/watch?v=nMZIOK-BiPs>.

ния социальных систем. Это, в свою очередь, приобретает смысл полноценной идеологии, противостоящей государственным денежным системам. Однако Додд подчеркивает, что в реальности биткоин формирует вокруг себя сообщество со своими политическими идеалами, а также устанавливает асимметрию богатства и власти по аналогии с государственными валютами. Кристофер Лоренс и Стефани Ли Мадж (Lawrence and Mudge 2019) проблематизируют на примере биткоина эффективность антигосударственных рыночных механизмов, которые призваны бросить вызов экономико-политическому порядку в духе Австрийской школы, провозглашающей необходимость денационализации денег. Однако на практике, как обозначают авторы, такие механизмы нуждаются в более долгосрочных принципах поддержки функционирования, чтобы избежать рисков адаптации под государственные системы, которые стремятся легитимировать взаимоотношения своих экономик с криптовалютами. Со своей стороны, Фрэнсис Фергюсон (Ferguson 2019) полагает, что благодаря блокчейну в процессе обмена центральное место начинает занимать сама транзакция, а не человек, в связи с чем изменяются и основания идентификации: для биткоина идентичность конструируется не вокруг личности юзера, а на основе его адреса в сети. Кроме того, Фергюсон отмечает существенную геймификацию функциональной структуры производства и обмена биткоинами, поэтому криптовалюты представляют собой разновидность технологии игры в эру постдоверия (post-trust) и постправды (post-truth).

В целом же критики антропологического подхода предлагают отказаться от концептуализации денег как объекта, но говорят о них как о процессе, рассматриваемом через материальные и политические системы, которые создают деньги и управляют ими (Truitt 2020). Это позволяет, во-первых, расширить понимание символического обмена с учетом культурных значений и, во-вторых, включить в исследовательское поле электронные деньги. Так с развитием денежных систем, в условиях которых деньги становятся все более многообразными, расширяется и перечень подходов к изучению символического обмена с использованием денег. В качестве одного из примеров здесь можно назвать концептуализацию криптовалют Коряя Калискана (Caliskan 2022) как информационных денег (data money), которые он называет исторически новой и материально уникальной формой, опирающейся на представление об основании экономической ценности на праве частной и эксклюзивной передачи данных в публичном пространстве блокчейна. Однако здесь открытым остается вопрос об оперировании понятием материального, поскольку финансиализация такого права в новой социотехнической среде, о которой говорит Калискан, все же связана с производством капитала и организацией условий денежного обмена криптовалютами, а не с имеющими материальную форму денежными единицами как таковыми. В этом ключе также возникает вопрос и о материализации власти: если денежные знаки в виде монет и банкнот способны обозначить визуальное присутствие выпускающих их властей с помощью особых знаков, то как оценивать присутствие невидимой децентрализованной власти, основанной на парадоксе добровольной передачи данных, над которыми устанавливается контроль, ограниченный пределами авторитетности электронной системы? С одной стороны, данные происходят из материального

мира, а с другой – преобразуются в цифровой код, который может свободно перемещаться в информационных потоках без привязки к физическому носителю. Отсюда возникает ощущение, что децентрализованная власть воплощается в самом информационном потоке, полностью сливаясь с ним и таким образом осуществляя невидимый контроль над пользователями, которые уже не могут полноценно функционировать в повседневности вне электронных систем.

Как видно из процесса дематериализации, с момента изобретения денег как всеобщего эквивалента и средства обращения в форме металлических монет и до начала дигитализации практик символического обмена с использованием денег их визуальность становится результатом материального воплощения денег как абстрактного механизма социальных отношений. В случае монет и банкнот визуальное у денег связано в первую очередь с материальной сущностью этих форм денег, которая также включает в себя тактильный компонент. Материальные деньги являются репрезентативным знаком, обретающим свое значение, исходя из специфики социальных практик, которые осуществляются в контексте конкретных социальных отношений, подразумевающих использование соответствующих форм денег. Когда же речь заходит об электронных деньгах, утрачивающих свою материальность, визуальное или даже скорее их умозрительное восприятие оказывается единственным способом взаимодействия с ними. В условиях отрыва от физического носителя электронные деньги превращаются в чистую функцию, которую можно назвать своего рода идеальным воплощением или, чтобы избежать коннотаций с объектностью, реализацией в тождественности самой идее денег. Но на уровне визуального электронные деньги сохраняют свою репрезентативность, что, с одной стороны, является наследием материальных денег, а с другой – неотъемлемой репрезентативной сущностью денег. В процессе дигитализации деньги становятся числовым массивом, отображаемым лишь в виде проекции, однако для них по-прежнему используются условные знаки, например в виде логотипов криптовалют, которые позволяют опознать, что это по-прежнему деньги. Впрочем, в условиях экономического кризиса и развивающихся цифровых транзакций может показаться, что то, как выглядят деньги, становится не просто вторичным, но и вовсе теряет свою актуальность. Тем не менее этот процесс не так однозначен: с каждым годом сектор электронных платежных операций растет, однако по данным на 2017 год, около 80% платежей в мире все еще проводилось наличными деньгами (Вукичевич 2017). О широком использовании банкнот и монет на протяжении 2019–2020 годов говорит и всплеск тревоги, связанной с возможностью массового распространения вируса через эти формы материальных денег в условиях пандемии COVID-19 (Roberts 2020).

Однако необходимость социального дистанцирования в период пандемии COVID-19, включающая и потребность в осуществлении бесконтактных платежей, послужила поводом к тому, чтобы на протяжении 2020 года в ряде стран были приняты меры по поддержке и развитию сервисов электронных денег (Bazarbash 2020). Тем не менее такие сервисы имеют не только преимущества, но и риски, связанные с безопасностью передачи данных, а также доступностью для различных социальных групп. Еще задолго до распространения COVID-19, в начале 2010-

х годов, в условиях постоянного развития возможностей, связанных с электронными платежами, возникали опасения, что этот сектор может стать дополнительной ареной экономической, социальной и символической борьбы (Халина 2013). Из средства оптимизации экономических отношений системы электронных платежей могут превращаться в еще один повод к исключению из социально-экономического поля таких уязвимых групп населения, как люди старшего возраста, люди с инвалидностью, воспитанники детских домов. По этой причине представители Европейского центрального банка, например, говорят о том, что, ставя целью разработать полноценный сервис цифрового евро (digital euro), они предполагают у такой системы лишь комплементарность наличному евро и не планируют его полную замену новой электронной системой⁸. В любом случае для дальнейшего развития сектора электронных платежей необходим постоянный доступ к сервисам мобильных телекоммуникационных сетей и интернету. Однако в реалиях 2020–2024 годов в ряде регионов эта возможность оказалась под вопросом не только из-за социального неравенства, но и по причине политической нестабильности в условиях военных конфликтов, что подрывает налаженные экономические системы. Дематериализация денег как глобальный переход с наличных денег на цифровые транзакции оказывается противоречивым процессом, и говорить о его одностороннем и повсеместном характере пока невозможно. Тем не менее важно разобраться в том, какие лакуны можно обнаружить в уже сложившихся пространствах символического обмена, характерного для использования электронных денег в их многообразии. Именно здесь возникают новые возможности для визуально опосредованного идеологического манипулирования.

УМОЗРИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВ ВИРТУАЛЬНОГО ОБМЕНА

В ходе дигитализации практик символического обмена с использованием денег сами деньги действительно становятся незримыми, а обмен – умозрительным, разворачивающимся скорее в сознании субъекта, хотя он имеет возможность реализоваться в повседневности. Денежный знак как самостоятельная визуальная репрезентация материализует идею о деньгах в экономическом контексте, а также позволяет сделать зримой власть, контролирующую выпуск и обращение денег, что также связано с их функциональностью в политическом, культурном и историческом измерениях. Кроме того, в своей материальной форме деньги делают зримым понятие ценности, в первую очередь экономической, что обретает свое значение благодаря политическим системам, выпускающим деньги и регулирующим их обращение. Электронные деньги в зависимости от их отношения к государственному экономикам могут наделяться различной степенью надежности, однако будь то оцифрованные наличные государственной валюты или биткоины, мы не можем их увидеть или взаимодействовать с ними тактильно, что делает их эконо-

⁸ Fabio Panetta, «From the Payments Revolution to the Reinvention of Money», European Central Bank, November 27, 2020, <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2020/html/ecb.sp201127~a781c4e0fc.en.html>.

мическую ценность в нашем воображении также достаточно расплывчатой. Однако эта ценность по-прежнему закреплена в повседневности, поскольку электронные деньги, несмотря на свою цифровую природу, существуют и обращаются не как нечто автономное, но лишь как виртуальное продолжение социальной реальности, для которой имеет значение обмен. Поэтому незримые электронные деньги, хотя и лишены объектности, наделяются значением денежных знаков, или взаимозаменяемых токенов (*fungible token*), по аналогии с материальными деньгами. Однако токен является лишь проекцией умозрительной единицы обмена как предельной степени дематериализации денег в условиях дигитализации, в ходе чего они становятся символическими в полном смысле слова, не имея под собой никакого физического носителя, но обладая конвенциональной ценностью. Однако даже такие токены нуждаются в визуализации, чтобы закрепить свое значение в воображении субъекта.

Чтобы проследить, какие следы материального мира со свойственными ему идеологическими импликациями сохраняют токены, для начала рассмотрим данные вопросы на примере дизайна логотипов криптовалют. В целом логотипы криптовалют имеют довольно шаблонный дизайн с формированием знака, созданного на основе названия криптовалюты. Анализируя подборку – топ-50 – наиболее популярных криптовалют по данным за ноябрь 2018 года (*Bushmaker 2018*), можно сказать, что чаще всего интерпретируется первая буква названия или его акроним. Также существует ряд логотипов, которые используют более абстрактные образы, где преобладают строгие устойчивые геометрические формы с острыми углами. Такие формы можно расценивать как чистый знак, лишенный смысловой нагрузки и, как следствие, освобожденный от идеологии, что соответствует идее о децентрализации в отношениях власти и высвобождению от государственного контроля над деньгами. Можно выделить еще одну категорию, где используется более сложный дизайн с совмещением шрифтовой композиции и пиктограммы, когда логотип криптовалюты превращается в типограмму как объединение формы и содержания. В отношении репрезентации идеи о дематериализации денег в дизайне логотипов криптовалют наблюдаются две тенденции: во-первых, это неочевидные отсылки к материальному, и, во-вторых, визуализация абстрактных понятий.

К первому типу относятся логотипы с округлыми формами, отсылающими к образу монеты, что довольно часто закрепляется и на уровне названия криптовалют. Зачастую обыгрываются англоязычные слова, среди которых наиболее популярное – «монета» (*coin*), начиная с *Bitcoin* и заканчивая разнообразными *Bitcoin* *Coin* и *Dogecoin*, а также пародийными *Bytecoin*. Также часто используется слово «кэш» (*cash*) в значении «наличные деньги» и как созвучное с *cache* в понимании промежуточного буфера, содержащего информацию с возможностью быстрого доступа к нему. Примерами здесь могут послужить *Zcash* или *Dash*, где последний, помимо самостоятельного значения «рывок», также является сокращением от *digital cash* (цифровые наличные). Также популярны производные от слов «монетный», «денежный», «валютный» (*monetary*), как например *Monero*. Степень реалистичности таких монетарных отсылок на визуальном уровне варьируется от

простой круглой цветной плашки к более дробным или совмещенным формам вплоть до применения эффектов объема и гравировки. Что касается выбора цвета, ассоциирующегося с образом монеты, то здесь преобладают желто-оранжевые и серые оттенки, отсылающие к золоту и серебру. В качестве еще одного признака материального в логотипах криптовалют можно обозначить использование поперечных штрихов по аналогии со знаками валюты (\$, €, ¥) и прочих, что отсылает и к материальным формам денег, и к традиции дизайна денежных знаков. Среди логотипов, визуализирующих абстрактные понятия, наиболее интересными являются примеры, где прослеживается попытка найти видимую форму для объяснения технологии блокчейна и других умоглядных феноменов, связанных с функционированием криптовалют. С повышением уровня интеллектуализации общества деньги приобретают все более абстрактные черты, на данном этапе для визуальных репрезентаций все еще актуальны формы, способствующие упрощению функциональных особенностей криптовалют.

Логотипы криптовалют уже заняли особое место в дизайне нематериальных форм денег, и в этом смысле важно определить, как логотип репрезентирует нематериальные ценности сообщества, которое пользуется этой криптовалютой. Подобные нематериальные ценности в первую очередь отображают предпринимательские ожидания, а порой и полностью с ними совпадают, однако использование криптовалют может отвечать и более широким запросам, связанным с конструированием идентичности. В этом смысле криптовалюты схожи по своим функциям с национальными валютами, которые позволяют индивидам ощутить себя сообществом, разделяющим одни и те же идеалы. Криптовалюты располагают менее широким перечнем визуальных возможностей – в отличие от банкнотного или монетного ряда, представленного серией двусторонних объектов: логотипы криптовалют как особая форма дизайн-продукции отличаются вынужденной лаконичностью. Но уже само использование криптовалюты может свидетельствовать о том, что пользователь через подобную практику причисляет себя к конкретному сообществу, а также разделяет веру в идеалы, продвигаемые криптовалютой. В этом отрыв от повседневности проявляется наиболее четко, поскольку осознанное использование нематериальных по своей природе электронных денег не нуждается в каком-либо дополнительном закреплении через оформленную отсылку к материальности. Однако здесь можно увидеть и обратную сторону, ведь формирование сообщества вокруг одних ценностей посредством криптовалюты как взаимозаменяемых токенов говорит о том, что они могут быть таким же идеологическим инструментом, как и национальные валюты. Ярким примером здесь может послужить криптовалюта Star Wars Coin фанатского сообщества франшизы «Star Wars», запуск которой был запланирован на 26 июля 2017 года⁹, но которая не была аффилирована с корпорациями Disney и Lucasfilm, представляя собой полностью независимое изобретение фанатов. В дизайне логотипа использовано брендовое цветовое сочетание (желтый и черный), а также знак, условно отсыла-

⁹ @thecryptoking, «Star Wars ICO – The Cryptocurrency of the Star Wars Universe», Steemit, 2017, <https://steemit.com/cryptocurrency/@thecryptoking/star-wars-ico-the-cryptocurrency-of-the-star-wars-universe>.

ющий к общей символической системе вселенной франшизы. Однако дизайн криптовалюты оказывается вторичным по сравнению с самим фактом ее создания, дематериализация денег имеет в данном случае несколько уровней: во-первых, это электронные деньги; во-вторых, они отсылают к вымышленной вселенной; в-третьих, криптовалюта использует символику в стиле «Star Wars», а не символику самих «Star Wars», являясь неофициальным продуктом. Впрочем, эта криптовалюта оказалась недолговечной, и на данный момент деактивирована¹⁰.

Противоположным примером является конкурс дизайна валюты сообщества Asgardia, которое позиционирует себя как создаваемое в космосе государство, свободное от существующих на данный момент на Земле. При этом данное сообщество выстраивает свою модель по принципу национального государства в виде конституционной монархии. Что же касается конкурса, то согласно регламенту, опубликованному в марте 2018 года¹¹, дизайнерам предлагалось разработать логотипы двух валют с астрономическими коннотациями в названиях: Solar и Lunar. При этом функциональные особенности и различия этих валют специально не оговаривались, также в регламенте не было пометки о том, что от дизайнеров требуется разработка логотипов криптовалют, хотя речь шла конкретно о дизайне логотипов, а не других формах дизайна. Конкурсные решения, опубликованные на сайте сообщества, варьируются от предельно абстрактных знаков, интерпретирующих образ Солнца и Луны, до дизайна банкнот с изображением портрета главы сообщества. Идеологический перекосяк в концепции Asgardia не просто не стимулирует поиск новых форм, но побуждает к воспроизведению архаичных представлений о функционировании денег. Это свидетельствует, что адептам данного сообщества, по-видимому, трудно помыслить деньги без привязки к повседневности в виде привычных форм либо деятелей, являющихся гарантами надежности космического государства, которое, существуя лишь в виде веб-сайта, само по себе должно являться манифестом отрыва от материального мира.

Еще одним примером совмещения идеалов цифровой независимости и закрепления материального через зримую форму является первая белорусская криптовалюта «Талер». Используя название исторической денежной единицы, которая в 1990-е году не получила статуса названия белорусской национальной валюты, разработчики подчеркивают, что «Талер» является брендом, который «способен объединить всех белорусов, это больше, чем просто название монеты, это наши корни»¹². «Талер» воспроизводит квазиностальгические переживания, однако здесь совершенно не учитывается сама история. Как уже упоминалось ранее, в качестве названия криптовалюты выбран термин, якобы относящийся к аутентичной белорусской истории, хотя в действительности талер – это международ-

¹⁰ «Star Wars Coins (SWC)», CoinGecko, просмотрено 6 сентября 2024 г., <https://www.coingecko.com/en/coins/star-wars-coin>.

¹¹ Currency Design Contest, Asgardia, просмотрено 6 сентября 2024 г., <https://asgardia.space/en/contest/solar-lunar>.

¹² «Первая белорусская криптовалюта Талер», Талер, просмотрено 6 сентября 2024 г., <https://taler.site>.

ный денежный стандарт, использовавшийся в Европе в XVI–XIX веках. В 1990-е годы при разработке концепции белорусской национальной валюты талер рассматривался в качестве альтернативы рублю как преемнику советского периода, однако помимо вопроса об аутентичности возникали и другие: талер не был одобрен еще и в связи с тем, что исторически он не укладывается в десятичную денежную систему. Здесь наблюдается разрыв с повседневностью в контексте резкого противопоставления «Талера» белорусской национальной валюте. Конструирование любого исторического нарратива обусловлено теми идеалами, которые разделяют его создатели, однако в случае «Талера» важно именно обращение к неслучившейся или упраздненной реальности. Также интересно, что «Талер» является официальной денежной единицей виртуального государства Вейшнория¹³, возникшего в белорусском интернет-пространстве после стратегических учений «Запад-2017» в 2017 году. Вейшнория обозначена как официальный партнер криптовалюты на веб-сайте «Талера», при этом существует отдельный сайт «национального банка» Вейшнории, где продается сувенирная продукция в виде латунных монет с изображениями видов Гродно, Лиды и Сморгони, являющихся основными «административными единицами» Вейшнории, а также герба виртуального государства в виде аиста с поджатой лапой, над головой которого расположена корона, а слева – литвинский крест. 31 января 2018 года в Вейшнории была выпущена и «памятная» монета с портретом национального героя Беларуси (а также Польши и США) Тадеуша Костюшко. Любопытно отметить, что деньги, выпускавшиеся во время восстания Костюшко в 1794 году, имели название «злоты» для банкнот и «гроши» для разменных монет, а не талеры, однако Вейшнория не может использовать эти названия, поскольку на данный момент они являются официальными денежными единицами Польши.

В сравнении с Asgardia, которая воспроизводит связи с повседневностью на уровне проектирования, сообщество Вейшнория идет еще дальше. Являясь виртуальным сообществом, она использует материальные объекты для закрепления в пространстве самой повседневности, хотя логотип «Талера» сам по себе содержит лишь коннотации, связанные с монетой – круглая форма со знаком валюты в виде поперечного штриха на глифе «Т» и медный либо золотой цвет. Между тем талер является серебряной монетой, что еще раз подчеркивает разрыв с аутентичностью. Схожим образом Bitcoin с 2011 года выпускает ключи с кодами и голограммами в виде монет, которые являются симулякрами, поскольку отсылают к обладанию абстрактным капиталом, представленным сплошным умозрением. Однако подобные практики можно отнести скорее к антиидеологическим жестам, которые связаны с противопоставлением криптовалют национальным валютам в целом, в отличие от памятных монет Вейшнории, которые фактически не имеют отношения к функционированию «Талера» как криптовалюты. На уровне визуальных репрезентаций денежные знаки Вейшнории можно рассматривать как отсылающие не просто к альтернативному видению исторического поля, но как выстраивающиеся преимущественно на основе квазиисторической реальности, что в отно-

¹³ Viešnyoryja, просмотрено 6 сентября 2024 г., <https://vie.today>.

шении этических модальностей использования электронных денег способствует формированию фантазматического эффекта от обладания виртуальным капиталом в виде криптовалюты «Талер». Кроме того, само существование, помимо непосредственно криптовалюты и памятных монет, выпускаемых «национальным банком» несуществующего государства, может рассматриваться как отрицание государственной денежной системы, а также государственной политики в целом. Здесь можно усмотреть и своеобразный протест против имперских притязаний на Беларусь в свете совместных учений с Россией, что нашло свое отражение в возникновении виртуального государства, нуждающегося не только в электронных деньгах, но и в материализации своих идей в повседневности. Здесь следует отметить, что в случае «Талера» нарратив имеет функцию самоотрицания в контексте ценности денег как в экономическом, так и в политическом смысле, поскольку «деньги» государства Вейшнория выстраивают себя по принципу интернет-мема и противопоставляются официальной историко-политической риторике. В целом же этот пример демонстрирует, что криптовалюты как незримые деньги, которые полностью дематериализованы, несмотря на свою антигосударственную этику, на данный момент все еще не могут существовать как чистая форма вне идеологии. Тем не менее они представляют собой симулякр повседневности, от которой отстраивается ценность такой криптовалюты, как «Талер» – криптовалюты, которая имеет скорее политическое значение, а не экономическое¹⁴.

Без хотя бы частичной привязки к повседневности криптовалюты не могут служить самостоятельной визуальной репрезентацией по аналогии с денежным знаком, поскольку здесь обнаруживается необходимость в кодировании их нематериальной ценности именно через материальное, что следует подробнее рассмотреть уже на примере NFT. NFT (non-fungible token) представляет собой так называемый невзаимозаменяемый токен, который является особым видом криптографических токенов. Изначально NFT разрабатывались на скриптовом языке блокчейна Bitcoin в 2013–2014 годах, однако с 2015 года с запуском блокчейна Ethereum, устраняющего необходимость в сторонних платформах благодаря встраиванию хранения токенов в сам блокчейн, для NFT стал использоваться именно он (Sentieiro 2021:32). Обычно криптографические токены являются по своей природе взаимозаменяемыми и могут свободно обмениваться друг на друга, что, собственно, и является основной идеей криптовалют – создать всеохватное поле экономического обмена без каких-либо границ, которые могли бы ему препятствовать, как, например, необходимость в обмене валют или оцифровке наличных в каких-либо конкретных сервисах электронных платежей. Что же касается NFT, то каждый отдельный экземпляр уникален и не может быть обменян на другие токены. Это позволяет им выступать в качестве сертификата уникальности цифрового объекта, предоставляющего возможность приобрести за реальные деньги статус артефакта, который обладает некоей ценностью и может принимать визуальную и аудиальную форму. В данном случае нет ограничений на копирова-

¹⁴ Подробнее я рассматриваю примеры логотипов криптовалют, а также идеологические импликации в визуальных репрезентациях виртуальных государств Asgardia и Вейшнория в Шталенкова 2019б.

ние и распространение таких цифровых артефактов в сети, это позволяет выпускать на платформах NFT музыкальные альбомы и видеоигры. При этом NFT закрепляют право обладания оригинальным экземпляром того или иного цифрового артефакта, что открывает новое поле символической борьбы в сфере искусства.

Сам феномен NFT позволяет пересмотреть вопросы дематериализации денег, ставя вопрос о том, что составляет ценность денег в контексте дигитализации практик символического обмена в тех случаях, когда обмен связан с искусством. Также представляет интерес, что именно рассматривается как ценное, если сами деньги на примере NFT приобретают предельно условный статус, поскольку их ценность никак не закреплена в повседневности. Начиная с 2017 года, когда NFT стали приобретать популярность, насчитывается более сотни проектов, чаще всего это либо видеоигры, как «Sorare» или «Gods Unchained», где игроки могут присваивать себе особые уникальные карточки игроков, которые представляют собой токен, либо своеобразные визуальные коллекции, основанные на разработках персонажей, которые также являются токенами, как Cryptopunks или Crypto Kitties (Centieiro 2021:62–66). Кроме того, к NFT-проектам относятся платформы, позволяющие digital-художникам выпускать свои работы в качестве токенов, наделяя их статусом уникальности – именно он, а не сама работа выставляется на продажу. Так NFT превращается в поле для инвестиций, включая digital-искусство в более широкий контекст арт-рынка, при этом NFT может репрезентировать цифровые арт-объекты, изначально созданные цифровыми средствами, а также физические арт-объекты, оцифрованные через NFT¹⁵. Но как только физический объект оцифровывается через NFT, ценность его материальной формы заслоняется самими NFT, которые обозначают конечный этап производства арт-объекта, а следовательно, приобретают статус оригинала (73–77).

Наиболее интересны примеры использования NFT для политически неоднозначных ситуаций, которые связаны с полем символического производства в социокультурном контексте. Так, адвокат по правам человека Станисловас Томас в марте 2021 года выпустил через NFT видео, которое он записал в 2019 году¹⁶. На этом видео адвокат разбивает памятную доску Йонасу Норейке. Йонас Норейка является значимой фигурой в литовской национальной истории (это борец против советского режима), но также считается нацистским преступником, его обвиняют в причастности к Холокосту. В связи с тем, что данная ситуация до сих пор является предметом споров, выпуск видео с уничтожением памятной доски через NFT приобретает статус политического жеста, который становится своеобразным фантазмом, не находящим выхода в реальности, поскольку доска была восстановлена в сентябре 2019 года, а иски против Норейки до сих пор не удовлетворены. В этом смысле создание уникальных токенов невозможно без привязки к повседневности, которая опосредует саму арт-практику как физический процесс производства

¹⁵ О способах выстраивания отношений арт-объектов, выпущенных через NFT, с повседневностью, см. Shtalenkova 2022.

¹⁶ Alexandra Kons, «Stanislovas Tomas im Interview: NFTs können unsere Gesellschaft verändern», Be[in]crypto, April 18, 2021, <https://de.beincrypto.com/stanislovas-tomas-im-interview-nfts-koennen-unsere-gesellschaft-veraendern>.

арт-объекта. То есть NFT вынуждены закреплять свою ценность через объекты материального мира, кодируя таким образом собственную систему через привязку к другим системам символического обмена, что превращает поле обращения цифровых арт-объектов в непрозрачную область эстетического, открытую для новых потенциальных техник идеологического воздействия. Необходимо отметить, что, помимо ценности самих NFT, важны трансформации и относительно ценности обладания ими. Современная логика потребления все больше характеризуется истощением энергии, связанной с желанием, и трансформируется в стремление к экономии денег (Gornukh 2020). Но по аналогии с обладанием капиталом в виде криптовалют обладание NFT в большей степени приобретает фантазматический характер уже не в связи с укорененностью в материальном мире, а в связи с отсылкой к системам цифровых изображений, визуально замещающих повседневность. NFT все чаще становится пространством для выражения политической солидарности и фандрайзинга, таким примером может послужить запуск NFT-музея войны в Украине Министерством цифровой трансформации совместно с украинским блокчейн-сообществом в марте 2022 года (Антонюк 2022). Так использование NFT оказывается еще более противоречивым явлением, обнаруживая свою актуальность в смысле взаимосвязи с возможностью борьбы за права человека, а с другой – уже не существуя автономно по отношению к государственной системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВИЗУАЛЬНАЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ДЕНЕГ

Итак, трансформации практик символического обмена в условиях дигитализации включают в себя два важных аспекта. Во-первых, эти трансформации предполагают включение денег в понятие символического обмена. Если изначально деньги и дар, подразумеваемый под символическим обменом, противопоставлялись исследователями, то накануне наступления цифровой эры появляется возможность вскрыть экономическую логику практик дарения. Кроме того, трансформации, которые происходят с деньгами в ходе их дематериализации, также позволяют говорить о них как об объекте, который опосредует символический обмен. Концепция символического обмена расширяется, а деньги как бы становятся проявленными, зримыми в контексте этого понятия. При этом исторически такая возможность открывается именно в период, когда деньги как форма дематериализуются и, лишаясь физического носителя, переходят в область умозрительного. То есть, приближаясь к своей идеальной функциональности, деньги парадоксальным образом становятся зримыми как исследовательский объект в новом качестве, которое ранее было заслонено их материальной формой. Во-вторых, при этом недооценивалось и символическое значение самой материальной формы денег, которая включает в себе спектр нематериальных ценностей, связанных с функциональностью денег за пределами экономики, а именно – в политическом, культурном и историческом контекстах. В этом смысле важной категорией оказывается дизайн денежных знаков, поскольку он имеет не только утилитарное предназначение: материализовать деньги как абстрактную идею, то есть делать их видимыми в повседневности, но также оказывается идеологическим инструментом для властей,

эмитирующих деньги. С помощью дизайна денежных знаков визуализируются политические интересы и притязания власти через репрезентации, которые размещаются на денежных знаках, а сам денежный знак становится репрезентацией власти. Деньги охватывают все сферы жизни человека, контролируемые государством, которое выпускает деньги в качестве средства легитимации и продвижения власти, материализующейся в виде денежного знака.

Здесь следует подчеркнуть актуальность трансформаций, которые происходят с деньгами в цифровую эру непосредственно на визуальном уровне, когда они становятся незримыми. С переходом в цифровое пространство практики символического обмена с использованием денег в существенной степени приобретают умозрительный характер в связи с отрывом денег как идеи от их материальной формы в виде физического носителя. Однако эти практики по-прежнему ассоциируются с визуализациями, которые закрепляют в повседневности ценность незримых денег, существующих как чистая конвенция без материального подкрепления. Такие визуализации позволяют минимизировать визуально распознаваемую идеологическую имплицитность денег. Но социальные отношения, разворачивающиеся в цифровом пространстве, приобретают все более асимметричный характер в связи с анонимизацией и неочевидной иерархией власти, которая больше не ассоциируется с прежними представлениями о государственных институтах, контролирующем социальный порядок. Поэтому переход на электронные деньги не приводит к высвобождению, а все больше закрепощает пользователя через практики символического обмена в условиях виртуальных пространств. Чем менее зрима форма денег как феномена, пронизывающего все сферы человеческой жизни, тем скорее они трансформируются в средство невидимого контроля. Незримые электронные деньги обращаются в виртуальном продолжении социальной реальности, что позволяет наделять их значением взаимозаменяемых токенов. Токены оказываются проекцией умозрительной единицы обмена как предельной степени дематериализации денег, но они все еще нуждаются в визуализации, чтобы закрепить свое значение в воображении субъекта. С переходом на электронные деньги возможности идеологизации через образы повседневности минимизируются, как в случае логотипов криптовалют. Власть, управляющая деньгами, оказывается неуловимой, сливаясь с процессами, связанными с функционированием денег в условиях дигитализации повседневности. Однако виртуальные пространства обмена, где все же подразумевается визуальная перформативность, как в случае виртуальных государств *Asgardia* и *Вейшнория*, а также платформ *NFT*, подвергаются умозрительной колонизации. Такие платформы становятся полем политического высказывания, которое невозможно в повседневности, и это становится попыткой ее замещения.

Таким образом, незримые деньги оказываются важным феноменом цифровой эры как в смысле трансформаций практик символического обмена и самих социальных отношений, так и в качестве исследовательского объекта. Это открывает новые возможности для концептуализации понятия символического обмена, требующего пересмотра в условиях новых социальных отношений, поскольку материальные деньги уходят в прошлое, а новые практики нуждаются в детальном осмыслении. Такой подход позволяет шире взглянуть на процесс дематериализации и

определить закономерности в исторических трансформациях денег через визуальное. Наблюдая за трансформациями, которые происходят с деньгами сегодня, можно было бы задаться и вопросом о будущем денег. Является ли текущий момент финальным этапом в их истории или интеллектуальные возможности человечества способны к новым изменениям функциональности денег? Приведет ли это когда-нибудь к отказу от денег как института, и есть ли возможность трансформировать экономические основания обмена? Или же он является основанием движения самой жизни, которое в долгосрочной исторической перспективе может быть репрезентировано лишь в виде такого культурного феномена, как деньги? Пока эти вопросы имеют скорее спекулятивный характер, но деньги совершенно точно являются самым парадоксальным изобретением, опосредующим социальные отношения. Функциональные возможности денег преодолевают их утилитарное значение и видятся как неисчерпаемо адаптирующиеся, расширяющиеся и пронизывающие все сферы жизни человека в ходе его социального развития на протяжении почти четырех тысяч лет. И не исключено, что мы все еще не сумели постичь масштаб их потенциала, а также перспективы трансформаций социальных отношений, к которым может привести дальнейшее развитие денег, неизменно ускользающих от нашего взгляда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонюк, Дарина. 2022. «В Украине запустили первый NFT-музей войны – он будет рассказывать о военных преступлениях России». *Forbes Ukraine*, 25 марта. <https://forbes.ua/ru/news/v-ukraini-zapustili-pershiy-nft-muzey-viyni-vin-rozpovidatime-pro-voenni-zlochini-rosii-25032022-5029>.
- Бодрийяр, Жан. [1976] 2000. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.
- Бурдье, Пьер. [1984] 2001. *Практический смысл*. СПб.: Алетейя.
- Вукичевич, Нена. 2017. «Платежи: наличные vs. безналичные». *Водяной знак* 3–4(125–126):16–21.
- Головашина, Оксана и Андрей Линченко. 2017. «“Разменивая прошлое”: историческая память, деньги и национальная идентичность в Российской империи и Центральной Европе во второй половине XIX – начале XX вв.». *Bylye Gody* 46(4):1433–1442.
- Горц, Андре. [2003] 2010. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Делез, Жиль и Феликс Гваттари. [1977] 2007. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Зелизер, Вивиана. [1994] 2004. *Социальное значение денег: Деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Луман, Никлас. [1997] 2005. *Медиа коммуникации*. М.: Логос.
- Мосс, Марсель. [1925] 2011. *Общества. Обмен. Личность*. М.: Издательство КДУ.
- Фуко, Мишель. [1976] 1996. *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Магистерium, Касталь.
- Халина, Наталья. 2013. «Электронные деньги в России: Восприятие населением современных способов платежей». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 8(114):122–130.
- Шталенкова, Ксения. 2018. *Деньги и идеология: [R]эволюция белорусскости длиной в 100 лет*. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет.
- Шталенкова, Ксения. 2019а. «На пересечении семиологии и идеологии: Мифологии национальных образов в дизайне французских банкнот и монет». *Топос* 1–2:215–234.

- Шталенкова, Ксения. 2019б. «Следы материальной реальности в дизайне логотипов криптовалют». С. 347–356, 373 в *Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования. Материалы III Международной научно-практической конференции*, под ред. Ольги Воробьевой. Минск: БГУ.
- Шталенкова, Ксения. 2020а. «Динамика дизайна денег в социально-историческом контексте». *Интеракция. Интервью. Интерпретация* 12(3):31–49.
- Шталенкова, Ксения. 2020б. «Золотой стандарт нации: Значение персонификаций в дизайне национальных валют Восточной Европы». *Украинские культурные студии* 2(7):81–86.
- Энафф, Марсель. 1998. «Дар, деньги, философия». Полит.ру, 18 октября. <https://polit.ru/articles/mir/dar-dengi-filosofiya-1998-10-18>.
- Appadurai, Arjun. 1986. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. New York: Cambridge University Press.
- Bazarbash, Majid, Jan Moeller, Naomi Nakaguchi Griffin, Hector Carcel Villanova, Esha Chhabra, Yingjie Fan, and Kazuko Shirono. 2020. "Mobile Money in the COVID-19 Pandemic." International Monetary Fund, October 7. <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/covid19-special-notes>.
- Billig, Michael. 1995. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications.
- Bloch, Maurice, and Jonathan Parry, eds. 1989. *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bushmaker, Jacob. 2018. "The Top 50 Cryptocurrencies." Invest in Blockchain, November 12. <https://www.investinblockchain.com/top-cryptocurrencies>.
- Caliskan, Koray. 2022. "Data Money Makers: An Ethnographic Analysis of a Global Cryptocurrency Community." *British Journal of Sociology* 73(1):168–187.
- Centieiro, Henrique. 2021. *The Non-fungible Booklet: The History and Technologies behind NFT and How They Are Changing the Art World*. Independently Published.
- Deleuze, Gilles. 1992. "Postscript on the Societies of Control." *October* 59:3–7.
- Derrida, Jacques. 1992. *Given Time: I. Counterfeit Money*. Chicago: University of Chicago Press.
- Derrida, Jacques. 1994. *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International*. London: Routledge.
- Di Muzio, Tim, and Richard Robbins. 2017. *An Anthropology of Money: Critical Introduction*. New York: Routledge.
- Dodd, Nigel. 2018. "The Social Life of Bitcoin." *Theory, Culture and Society* 35(3):35–56.
- Ferguson, Frances. 2019. "Bitcoin: A Reader's Guide (The Beauty of the Very Idea)." *Critical Inquiry* 46:140–166.
- Giddens, Anthony. 1990. *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gornykh, Andrei. 2020. "Organizing Fantasies: The Ideology of Late Capitalism." *Athena* 15:199–219.
- Habermas, Jürgen. 1989. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press.
- Helleiner, Eric. 1998. "National Currencies and National Identity." *American Behavioral Scientist* 41(10):1409–1436.
- Jameson, Fredric. 1990. *Late Marxism: Adorno, or, the Persistence of the Dialectic*. New York: Verso.
- Kuzniatsou, Sïarhei. 2008. "Symbolism of Money: Finances and Historical Consciousness of Ukraine, Lithuania and Belarus." *Political Sphere* 11:89–100.
- Lauer, Josh. 2008. "Money as Mass Communication: US Paper Currency and the Iconography of Nationalism." *Communication Review* 11(2):109–132.
- Lawrence, Christopher, and Stephanie Lee Mudge. 2019. "Movement to Market, Currency to Property: The Rise and Fall of Bitcoin as an Anti-state Movement, 2009–2014." *Socio-Economic Review* 17(1):109–134.
- Maurer, Bill. 2006. "The Anthropology of Money." *Annual Review of Anthropology* 35:15–36.
- Maurer, Bill. 2015. *How Would You Like to Pay: How Technology Is Changing the Future of Money*. Durham, NC: Duke University Press.
- McGinley, Christina. 1993. "Coining Nationality: Woman as Spectacle on the 19th Century Currency." *American Transcendental Quarterly* 7(3):247–269.

- Penrose, Jen. 2011. "Designing the Nation: Banknotes, Banal Nationalism and Alternative Conceptions of the State." *Political Geography* 30(8):429–440.
- Polanyi, Karl. 1977. *The Livelihood of Man*. New York: Academic Press.
- Roberts, Marilyn. 2020. "You Don't Need to Worry about Spreading the Coronavirus with Cash." *The Conversation*, May 21. <https://theconversation.com/you-dont-need-to-worry-about-spreading-the-coronavirus-with-cash-137865>.
- Seaford, Richard. 2004. *Money and the Early Greek Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sear, David. 2006. *Greek Coins and Their Values*. London: Spink and Son.
- Shtalenkova, Kseniya. 2022. "The Visual Significance of Money: The Value of the Immaterial." *Logos Journal* 111:193–200.
- Simmel, Georg. [1907] 1990. *The Philosophy of Money*. London: Routledge.
- Truitt, Allison. 2020. "Money." In *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. <https://www.anthroencyclopedia.com/entry/money>.

INVISIBLE MONEY AS THE INSTRUMENT FOR SOCIAL CONTROL: IMAGINARY COLONIZATION OF THE VIRTUAL EXCHANGE SPACES

Kseniya Shtalenkova

Kseniya Shtalenkova, Department of Humanities and Arts, European Humanities University, Lithuania. kseniya.shtalenkova@ehu.lt.

The goal of this essay is to analyze what happens to the visual significance of money in the context of digital reality. Firstly, the essay proposed to consider the features of using invisible money deprived of substance to trace the visual specifics of electronic money in the context of the transformations of the symbolic exchange practices. Secondly, the investigation emphasizes the visual representations in the virtual spaces of symbolic exchange to demonstrate the specifics of ideological manipulations at the level of the imaginary that can be associated with electronic money. The empirical material for the visual analysis contains cryptocurrency logos, as well as the visual representations related to virtual states and NFT platforms. In the digital space, the symbolic exchange practices using money become imaginary due to the separation of money as an idea from its material form as a physical carrier. But these practices are still associated with the visualizations that anchor the value of invisible money in everyday life, existing as pure convention without material grounding. Transitioning to electronic money, the possibilities of ideologization through images of everyday life are minimized, as in the case of cryptocurrency logos. And virtual spaces of exchange are subject to imaginary colonization, as can be traced in the ideological implications of the virtual states like Asgardia and Veyshnorica, as well as NFT platforms. Such spaces become a field for political expression impossible in everyday life, although attempting to substitute the latter.

Keywords: Visual; Power; Money; Dematerialization; Digitalization; Ideology; Cryptocurrency; Symbolic Exchange; Electronic Money

REFERENCES

- Antoniuk, Darina. 2022. "V Ukraine zapustili pervyi NFT-muzei voiny—on budet rasskazyvat' o voennykh prestupleniakh Rossii." *Forbes Ukraine*, March 25. <https://forbes.ua/ru/news/v-ukraini-zapustili-pershiy-nft-muzey-viyini-vin-rozpozivatime-pro-voenni-zlochiny-rosii-25032022-5029>.
- Appadurai, Arjun. 1986. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. New York: Cambridge University Press.
- Baudrillard, Jean. [1976] 2000. *Simvolicheskii obmen i smert'*. Moscow: Dobrosvet.
- Bazarbash, Majid, Jan Moeller, Naomi Nakaguchi Griffin, Hector Carcel Villanova, Esha Chhabra, Yingjie Fan, and Kazuko Shirono. 2020. "Mobile Money in the COVID-19 Pandemic." International Monetary Fund, October 7. <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/covid19-special-notes>.
- Billig, Michael. 1995. *Banal Nationalism*. London: Sage Publications.
- Bloch, Maurice, and Jonathan Parry, eds. 1989. *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourdieu, Pierre. [1984] 2001. *Prakticheskii smysl*. Saint Petersburg, Russia: Aleteia.
- Bushmaker, Jacob. 2018. "The Top 50 Cryptocurrencies." Invest in Blockchain, November 12. <https://www.investinblockchain.com/top-cryptocurrencies>.
- Caliskan, Koray. 2022. "Data Money Makers: An Ethnographic Analysis of a Global Cryptocurrency Community." *British Journal of Sociology* 73(1):168–187.
- Centieiro, Henrique. 2021. *The Non-fungible Booklet: The History and Technologies behind NFT and How They Are Changing the Art World*. Independently Published.
- Deleuze, Gilles. 1992. "Postscript on the Societies of Control." *October* 59:3–7.
- Deleuze, Gilles, and Félix Guattari. [1977] 2007. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia*. Yekaterinburg, Russia: U-Faktoriia.
- Derrida, Jacques. 1992. *Given Time: I. Counterfeit Money*. Chicago: University of Chicago Press.
- Derrida, Jacques. 1994. *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International*. London: Routledge.
- Di Muzio, Tim, and Richard Robbins. 2017. *An Anthropology of Money: Critical Introduction*. New York: Routledge.
- Dodd, Nigel. 2018. "The Social Life of Bitcoin." *Theory, Culture and Society* 35(3):35–56.
- Ferguson, Frances. 2019. "Bitcoin: A Reader's Guide (The Beauty of the Very Idea)." *Critical Inquiry* 46:140–166.
- Foucault, Michel. [1976] 1996. *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti*. Moscow: Magisterium, Kastal'.
- Giddens, Anthony. 1990. *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Golovashina, Oksana, and Andrei Linchenko. 2017. "'Razmenivaia proshloe': Istoricheskaiia pamiat', den'gi i natsional'naia identichnost' v Rossiiskoi imperii i Tsentral'noi Evrope vo vtoroi polovine XIX–nachale XX vv." *Bylye Gody* 46(4):1433–1442.
- Gornyxh, Andrei. 2020. "Organizing Fantasies: The Ideology of Late Capitalism." *Athena* 15:199–219.
- Goetz, André. [2003] 2010. *Nematerial'noe: Znanie, stoimost' i kapital*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysheishoi shkoly ekonomiki.
- Habermas, Jürgen. 1989. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press.
- Helleiner, Eric. 1998. "National Currencies and National Identity." *American Behavioral Scientist* 41(10):1409–1436.
- Hénaff, Marcel. 1998. "Dar, den'gi, filosofiiia." *Polit.ru*, October 18. <https://polit.ru/article/1998/10/18/473588/>.
- Jameson, Fredric. 1990. *Late Marxism: Adorno, or, the Persistence of the Dialectic*. New York: Verso.
- Khalina, Natal'ia. 2013. "Elektronnye den'gi v Rossii: Vospriiatie naseleniem sovremennykh sposobov platezhei." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 8(114):122–130.

- Kuzniatsou, Siarhei. 2008. "Symbolism of Money: Finances and Historical Consciousness of Ukraine, Lithuania and Belarus." *Political Sphere* 11:89–100.
- Lauer, Josh. 2008. "Money as Mass Communication: US Paper Currency and the Iconography of Nationalism." *Communication Review* 11(2):109–132.
- Lawrence, Christopher, and Stephanie Lee Mudge. 2019. "Movement to Market, Currency to Property: The Rise and Fall of Bitcoin as an Anti-state Movement, 2009–2014." *Socio-Economic Review* 17(1):109–134.
- Luhmann, Niklas. [1925] 2005. *Media komunikatsii*. Moscow: Logos.
- Maurer, Bill. 2006. "The Anthropology of Money." *Annual Review of Anthropology* 35:15–36.
- Maurer, Bill. 2015. *How Would You Like to Pay: How Technology Is Changing the Future of Money*. Durham, NC: Duke University Press.
- Mauss, Marcel. [1925] 2011. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'*. Moscow: Izdatel'stvo KDU.
- McGinley, Christina. 1993. "Coining Nationality: Woman as Spectacle on the 19th Century Currency." *American Transcendental Quarterly* 7(3):247–269.
- Penrose, Jen. 2011. "Designing the Nation: Banknotes, Banal Nationalism and Alternative Conceptions of the State." *Political Geography* 30(8):429–440.
- Polanyi, Karl. 1977. *The Livelihood of Man*. New York: Academic Press.
- Roberts, Marilyn. 2020. "You Don't Need to Worry about Spreading the Coronavirus with Cash." *The Conversation*, May 21. <https://theconversation.com/you-dont-need-to-worry-about-spreading-the-coronavirus-with-cash-137865>.
- Seaford, Richard. 2004. *Money and the Early Greek Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sear, David. 2006. *Greek Coins and Their Values*. London: Spink and Son.
- Shtalenkova, Kseniya. 2018. *Den'gi i ideologiya: [R]evoliutsiia belorusskosti dlinoi v 100 let*. Vilnius: Evropeiskii gumanitarnyi universitet.
- Shtalenkova, Kseniya. 2019a. "Na peresechenii semiologii i ideologii: Mifologii natsional'nykh obrazov v dizaine frantsuzskikh banknot i monet." *Topos* 1–2:215–234.
- Shtalenkova, Kseniya. 2019b. "Sledy material'noi real'nosti v dizaine logotipov kriptovaliut." Pp. 347–356, 373 in *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniia. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, edited by Olga Vorob'eva. Minsk: BGU.
- Shtalenkova, Kseniya. 2020a. "Dinamika dizaina deneg v sotsial'no-istoricheskom kontekste." *Interaktsiia. Interv'iu. Interpretatsiia* 12(3):31–49.
- Shtalenkova, Kseniya. 2020b. "Zolotoi standart natsii: Znachenie personifikatsii v dizaine natsional'nykh valiut Vostochnoi Evropy." *Ukrainskie kul'turnye studii* 2(7):81–86.
- Shtalenkova, Kseniya. 2022. "The Visual Significance of Money: The Value of the Immaterial." *Logos Journal* 111:193–200.
- Simmel, Georg. [1907] 1990. *The Philosophy of Money*. London: Routledge.
- Truitt, Allison. 2020. "Money." In *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. <https://www.anthroencyclopedia.com/entry/money>.
- Vukichevich, Nena. 2017. "Platezhi: Nalichnye vs. beznalichnye." *Vodianoi znak* 3–4(125–126):16–21.
- Zelizer, Viviana. [1994] 2004. *Sotsial'noe znachenie deneg: Den'gi na bulavki, cheki, posobiia po bednosti i drugie denezhnye edinitsy*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshiei shkoly ekonomiki.